

Жуань Му слишком быстро протянул руку, и заноза вонзилась в кожу, вызвав острую боль. Он не смог сдержать крика, и Чжу Цинхэ бросил на него сердитый взгляд:

— Зачем ты лезешь? Я бы сам посмотрел. Вы, городские, такие изнеженные. У нас тут даже иголку нужно уметь держать. Ладно, вытащил. Будь внимательнее.

Жуань Му фыркнул. За всю свою жизнь никто не смел его ругать. Если бы это было в их дворе, он бы уже вспылал. Но сейчас он промолчал и покорно держал, пока Чжу Цинхэ продолжал стучать и мастерить.

Чжу Цинхэ топором обтёсывал дерево до толщины, которая могла выдержать вес, чтобы носить его было не тяжело. На кирпичном заводе он уже думал об этом способе, поэтому даже принёс с собой кожаную ленту. Сделав всё необходимое, он примерил ящик на спину — всё подошло. Поставив его к стене, он повернулся к Жуань Му:

— Уже поздно, давай пойдём вместе. Я зайду за керосином и провожу тебя домой.

Чжу Цинхэ решил собраться с силами и навестить учителя Ван. Из всех людей, которых он знал в этой жизни, только она искренне заботилась о нём. Если говорить грубо, даже родные родители не беспокоились о будущем своего сына, а учитель, не имеющий к нему отношения, так старался. В прошлой жизни он подвёл учителя Ван, даже увидев её разочарование, он упрямо уехал на юг. И что он получил в итоге? Сплошное недоразумение.

В деревенском магазине продавались лишь несколько вещей, хоть и однообразных, но всё равно недоступных для большинства. Свечи, о которых говорил Жуань Му, были для него слишком дороги. Деревенские, даже если у них было электричество, экономили, боясь, что электрик при подсчёте счёта будет недоволен.

Жуань Му смотрел, как он держит керосин, договорился с продавцом о фитиле и купил несколько фиников, протянув деньги. Получив сдачу, они вышли, и Жуань Му, держа в руке липкие финики, неожиданно для себя сунул один в рот. Сладкий вкус оказался приятным.

Чжу Цинхэ в прошлой жизни, до отъезда на юг, так и не попробовал фиников. Теперь, увидев их снова, он понял, что больше не испытывает такого желания. То, чего у него никогда не было, потеряло свою ценность перед более важными целями. Ведь в будущем у него будет что-то гораздо слаще и вкуснее.

Учитель Ван уже поужинала и готовилась к урокам. Ей очень нравилась её работа — учить детей, в отличие от тех, кто только стремился к карьерному росту. Она действительно хотела передать свои знания детям, иначе бы не покинула такой прекрасный город, как Пекин, ради этого места, которое её родители называли «глухоманью». Теперь, наконец, она нашла талантливого ученика и должна была сделать всё, чтобы помочь Цинхэ, доказав родителям, что она не хуже других. Но, посвящая всё время учёбе, она упускала семью. Её муж совершил непростительную ошибку, и она настояла на разводе, что шокировало всех, кто ей завидовал.

Услышав звуки во дворе, она подняла голову и увидела Цинхэ и своего сына. Улыбка сама собой расплылась по её лицу, и она встала:

— Цинхэ, ты пришёл. Я как раз собиралась навестить тебя, но застряла с планами уроков.

Чжу Цинхэ вспомнил, что учитель Ван не только готовилась к новому учебному году, но и была назначена директором начальной и средней школы деревни Чжуцзя. Сейчас она занималась делами школы.

Деревенский директор не пользовался таким уважением, как в городе. Учителей было мало, учеников ещё меньше. Во время сельскохозяйственных работ в классе могли сидеть лишь пять человек, и даже тогда приходилось уговаривать родителей отпустить детей. Самое сложное было перед началом учебного года — убедить детей вовремя прийти в школу, как будто крутишься в водовороте. Многие считали, что учёба — это пустая трата времени, и ничто не могло сравниться с деньгами в руках.

Чжу Цинхэ улыбнулся:

— Я знаю, что вы заняты, не беспокойтесь обо мне. Если бы не вы, меня бы уже отправили на поезд. Я не жалею, мне и одному хорошо.

Учитель Ван строго посмотрела на него:

— Ты ещё ребёнок, не понимаешь, как тяжело жить. Завтра я снова поговорю с твоими родителями, а ты не упрямься.

Чжу Цинхэ поспешно остановил её:

— Учитель Ван, я не вернусь. Вы же видите, что мои родители думают только о моём брате. Другие думают, что я маленький и не понимаю, но я всё знаю. Они отправляют меня на юг не для того, чтобы мне было хорошо, а чтобы я помогал оплачивать учёбу и свадьбу брата. Жив я или мёртв — им всё равно.

— Ну как же...

Учитель Ван не смогла продолжить. В деревне предпочтение сыновьям и неравное отношение были обычным делом. Она не знала, как помирить эту семью, и, видя, что Цинхэ настроен решительно, лишь вздохнула:

— Я попрошу кого-нибудь найти тебе более лёгкую работу. Я подумаю, чем ещё могу помочь.

— Учитель Ван, не нужно, я уже нашёл работу, заработал на учёбу, не беспокойтесь. И не заботьтесь обо мне слишком сильно, деревенские не любят, когда кому-то помогают, начнутся сплетни.

Учитель Ван рассмеялась и легонько шлёпнула его по голове:

— Ты, маленький проказник, откуда у тебя такие мысли?

Но на самом деле так и было. Помогая Цинхэ, она вызывала недовольство других, которые спрашивали, почему она не помогает их детям. В этой маленькой деревне работать было ещё сложнее, и она была вынуждена взять на себя эту роль.

Учитель Ван задумалась и спросила:

— Какую работу ты нашёл? Чжу Цинхэ, не вздумай заниматься чем-то противозаконным, иначе я тебя не прощу.

Чжу Цинхэ подтолкнул вперёд Жуань Му:

— Вы ведь доверяете Жуань Му? Он видел, это честная работа. Учитель Ван, я пришёл сказать, чтобы вы больше не готовили мне еду. Вы не сможете заботиться обо мне всю жизнь. Если однажды вас переведут, я ничего не умею и умру с голоду. Это мой выбор.

Жуань Му поднял глаза и бросил на него сердитый взгляд, а Чжу Цинхэ, пока учитель Ван не видела, скорчил рожицу.

Учитель Ван поняла, что его слова имели смысл, и лишь кивнула:

— Если будет трудно, обязательно скажи мне, мы вместе найдём выход.

Чжу Цинхэ не стал церемониться и прямо попросил:

— Помогите мне поговорить с деревенским электриком о подключении электричества. Я ещё молод, боюсь, он не согласится.

— Хорошо, я скажу, но ты должен научиться обращаться с электричеством, не лезь туда, где не разбираешься.

Выслушав наставления учителя Ван, Чжу Цинхэ с улыбкой попрощался. На улице уже стемнело, луна висела на вершине дерева, освещая дорогу домой. В траве стрекотали сверчки, и его шаги отчётливо слышались в ночной тишине. Он глубоко вздохнул — в этой жизни он наконец жил для себя.

На улице, при свете луны, он зажёл фитиль, слабый свет осветил пещеру. Он сел на деревянный ящик, всё тело ныло, глаза широко раскрыты, лёгкий ночной ветерок проникал через окно, колебля пламя. В ушах жужжали комары, но у него не было сил даже поднять руку, чтобы отогнать их.

Через полчаса он всё же лёг, заставляя себя уснуть. Дома ещё были фрукты, собранные с горы, их нужно было съесть завтра, иначе они испортятся. А ещё были два больших булочки, которые принёс Жуань Му, они станут завтраком и обедом. Но теперь ему приходилось думать о каждом приёме пищи.

«Гнилой июль, гнилой август» — ничего нельзя сохранить. У него ничего не было, завтра, получив зарплату, он должен был купить сковороду в кузнице, добавить посуды, а ещё запастись зерном. До созревания бобов ещё далеко, но он уже видел, что урожай на том поле хороший, и это его успокаивало, ведь он вложил в него столько труда.

Думая обо всём этом, он не мог найти ответа и, наконец, погрузился в глубокий сон. Проснувшись от крика петуха, он с трудом поднялся, сменил промокшую от пота одежду, умылся и, взяв доску для переноски кирпичей и сухой паёк, поспешил на кирпичный завод.

<http://bllate.org/book/16370/1480697>